

НАБЕРЕЖНАЯ АГНЕЛУСА

Часовня
Св. Варфоломея

Обсерватория
Св. Корригана

Форт Инквизиции

Надежда
Селестины

Мост
крыши

Кроличьи
норы

Рынок
Ангелуса

Университет

Площадь
Св. Ефрема

Сиротская улица

Рынок
Спасения

Рынок
неизвестного
святого

НАБЕРЕЖНАЯ СПАСЕНИЯ

Шпиль Св. Эпштейна

Устричное
готвище

Башня
Змея

ГОРОД

Малая Верфь

НАБЕРЕЖНАЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Цитадель
Инквизиции

Низины

Собор
Св. Селестины

Судебия

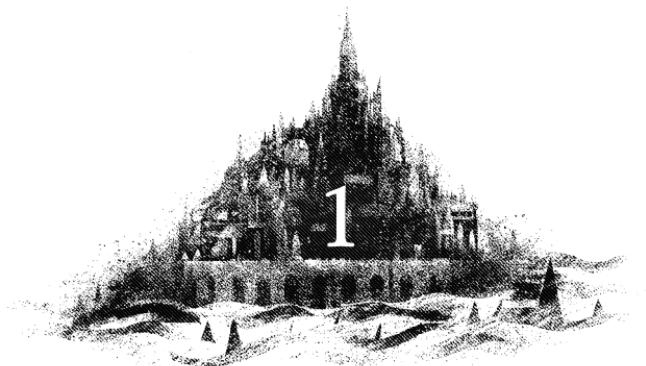
Часовая
башня Св.
Ангелуса

БОЛЬШАЯ ВЕРФЬ

Собор
Лучника

Ланкастерская
стена

НЕЗЫБЛЕМАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Его последняя песнь

Город был построен на пике, невообразимым образом взметнувшемся вверх из моря, и море не оставляло попыток отвоевать его. Поднимающийся прилив заглатывал нижние улицы Города. А отлив, откатывая, выплёвывал их обратно, оставляя, однако, свой след. Свежие моллюски лепились к подоконникам. Рыбы бились на каменных мостовых. Тем серым утром, когда море отступило, на крыше обнаружился кит.

Народ толпился вдоль мола и глазел на крышу ярусом ниже.

— Это дурное предзнаменование! — вскричал старый проповедник, клубы пара от его дыхания вились в воздухе.

— Ну, не Враг же это сделал, — фыркнул моряк. — Должно быть, его прибило туда приливом.

— Он мёртв, — сказал торговец. — Как полагаешь, сможем мы продать его мясникам?

Кит лежал на брюхе, протянувшись от одного конца крыши до противоположного. Он выбросился на часовню Св. Варфоломея, крыша которой во время отлива торчала над волнами. Четыре каменные горгульи стояли каждая на своём углу, и две из них хищно впились в кожу кита. Голодные чайки с криками носились над ним.

Толпа была настолько поглощена зрелищем, что никто не заметил появления девчонки. У неё были усталые глаза и спутанные и грязные русые волосы, взъерошенные после дурно и почти без сна проведённой ночи. Она перегнулась через парапет мола, закусив губу.

— Он такой большой, что не может находиться вне воды, — сказала она, обращаясь больше к себе самой, чем к кому-либо ещё. — У него разорвались лёгкие просто от лежания тут.

Крохотный мальчионка в ужасе посмотрел на неё круглыми глазами. Он теснее прижался к матери, с опаской поглядывая на девочку. Лицо у неё было бледное, на щеке три царапины, и от неё слегка воняло фейерверками. И, того хуже, она была одета, как мужчина, причём даже не добропорядочный. Она замоталась в истрёпанный красный шарф и утопала в бушлате с капюшоном, сшитом из потрёпанной материи и тюленьей кожи.

— К-кто ты? — спросил мальчионка, губы его подрагивали.

— Я Элли, — рассеянно отозвалась девочка, роясь в карманах. Она вытащила увеличитель-

ное стекло, затем луковицу и, наконец, перочинный ножик с острым как бритва лезвием. Мальчик взял мать за руку.

— Если в скором времени не взрезать кита, — сказала Элли, подняв нож, — он взорвётся.

Мальчишка начал плакать.

— Придержи язык, девчонка! — одёрнула её мать мальчика.

— Да нет же, правда, взорвётся! — сказала Элли, взмахнув руками. — Мёртвые киты начитают разлагаться изнутри. Внутри начнут скапливаться газы, а это опасно.

Мать отвернулась и закрыла рот ладонью.

— Знаю, знаю, — сказала Элли. — Кишки повсюду. А уж вонь будет такая, что мало не покажется! Хм, — прибавила она, уставившись на перочинный нож. — Не лучше ли, пожалуй...

Элли повернулась ко второй девочке, стоявшей позади неё. На беглый взгляд она была тех же лет — двенадцати или тринадцати, с копной выующихся рыжих волос. Огромный голубой шерстяной свитер, тяжёлые чёрные башмаки и скучающее выражение на лице.

— Анна, мне нужно, чтобы ты сбегала в мастерскую и принесла мою фленшерную лопату¹, — сказала Элли.

— Что такое фленшерная лопата? — позёвывая, спросила Анна.

¹ Фленшерная лопата — резак для разделки китовых туш, действительно по форме напоминает лопату, насаженную на очень длинную рукоять.

— Острое лезвие на конце длинной жерди, — объяснила Элли. — Она висит на чердаче, за книжными шкафами, между телескопом и ружьём.

— У тебя есть ружьё? — с неожиданным интересом спросила Анна, подавшись вперёд. — А пули есть?

— Поспеши, будь добра! — прикрикнула Элли, и Анна, закатив глаза, поплелась вверх по улице.

Элли вскочила на мол, а затем спрыгнула с другой стороны. Когда, пролетев метра три, она приземлилась на крышу часовни, толпа ахнула.

— Что она вытворяет? — воскликнула женщина.

Элли пошла по крыше, вытянув для равновесия руки в стороны, словно канатоходец. Глаза кита были закрыты, веки испещрены морщинами и складками, как у старика. Девочка встала на колени и осторожно провела рукой по китовому боку. Шершавая кожа была усажена белыми балянусами¹ и изрезана перекрецивающимися шрамами.

— Что здесь происходит? — раздался голос сверху. Элли подняла глаза и увидела, как через толпу проталкивается парень из городской стражи, долговязый и лопоухий, в чёрном плаще поверх тёмно-синего кителя.

¹ Балянусы, или морские жёлуди — усоночные раки, чья известковая раковина напоминает жёлудь.

— Там на крыше кит, — сказала какая-то женщина.

— И вон к нему девчонка спустилась, — добавила другая.

— Что? — воскликнул стражник, и тут он посмотрел вниз и увидел на крыше Элли. — Что... что она делает? — Он хлопнул себя ладонями по голове. — Осторожно, мисс! Этот кит вас слопает!

— Киты не едят людей, — со вздохом сказала Элли, но никто её не услышал. Все наперебой силились перекричать друг друга.

Массивное китовое тело под её рукой поднялось и опало, как будто в судорожном вздохе.

Он ещё жив!

Элли огляделась по сторонам, гадая, не удастся ли столкнуть кита обратно в воду. Корабль, пожалуй, мог бы стащить его с крыши, но только с наступлением прилива, а до него ещё несколько часов.

— Прости, — шепнула она. — Увы, я ничем не могу тебе помочь.

Но едва она заговорила, ей почудилось, будто из китового нутра доносится слабый звук. Толпа гомонила так, что невозможно было сказать на-верняка.

— Отойди от него! — орал стражник, хотя сам спуститься вниз боялся.

— Думаю, тебе нужно её оттащить.

— Эй, кто-нибудь, позовите Инквизицию!

— Пожалуйста, я пытаюсь слушать, — сказала Элли.

— Проповедник говорил, что киты дышат пламенем.

— Пожалуйста! — завопила Элли, но никто не обратил на её слова никакого внимания. Она вытащила из кармана какое-то устройство размером с монетку, завёрнутое в пожелтевшую бумагу. Резким движением кисти она шваркнула его об мол. Раздался треск, грянула вспышка, и дебош отчаянно голосящих чаек разлетелся. Толпа отшатнулась, прикрывая глаза руками и смолкнув в ошеломлении.

Элли воздела руку.

— Слушайте, — сказала она.

И все прислушались.

И в тишине они услышали накатывающий звук.

Это был кит.

Кит пел.

Звук вздымался и опадал монотонными и мелодичными раскатами, резонирующими из самого нутра животного. Элли доводилось слышать, как поют киты, но только не над водой. Она полагала, что это какой-то элемент брачных игр, но вот перед ней лежал умирающий кит и пел, невозможно даже представить кому.

Все слушали с благоговением, минута за долгой минутой.

А затем кит открыл один глаз.

— Невероятно, — прошептала Элли. Глаз был тёмно-синий, как холодное море. Он смотрел прямо на неё — в этом девочка могла поклясть-

ся, — и она забыла обо всём, кроме его взгляда и этой песни. В эти несколько дивных мгновений глубокая нутряная боль будто бы отпустила её.

Песня делалась всё тише, словно уплывая за горизонт. Глаз закрылся. Хвост перестал шевелиться.

И всё смолкло, даже море.

— Я принесла! — торжествующе провозгласила Анна, прокладывая себе дорогу к молу, подняв высоко над головой фленшерную лопату. Народ повернулся и уставился на неё. — А что такого? — спросила она, протянув лопату Элли черенком вперёд.

— Что ты хочешь сделать? — выкрикнул стражник.

Элли указала на брюхо кита.

— Мне придётся взрезать его ближе к хвосту. Таким образом газы не будут накапливаться внутри туши.

Элли упёрла лезвие в одну из борозд, продольно пересекавших белое брюхо кита, и нажала. Кожа была крепкая и толстая, и скоро от усилия у неё выступил пот. Наконец лопата взрезала кожу, и Элли едва удержалась на ногах, когда лезвие погрузилось в мягкие внутренние органы. Зловонный запах поднимался из раны, и Элли задержала дыхание. Она провела фленшерной лопатой вверх и вниз, взрезая бок животного. Плоть разошлась, из отверстия вывалились пурпурные кишki.

— Ого, только погляди, сколько кровищи, — вскрикнула Анна. — Можно и мне попробовать?

— Пахнет ужасно, — сказала Элли. — Но если ты хочешь. Только...

Она осеклась.

— Анна, что такое? — спросила она.

Лицо Анны исказилось, глаза недоверчиво вытаращились.

— Спаси и помилуй, — пробормотал стражник, зажав рукой рот.

По толпе пробежал растерянный шёпот. Одна пожилая дама закричала. По неведомой причине Элли почувствовала, что не в силах шевельнуться.

Она закаменела. Фленшерная лопата выскользнула у неё из рук и упала. Она посмотрела вниз.

Что-то схватило её за щиколотку.

Костлявое, дрожащее, липкое от крови.

Рука, выскользнувшая из взрезанного кита.

Из чрева кита

Старик проповедник потряс в воздухе кулаками.

— Оный вернулся, — завизжал он и помчался вдоль мола к забирающим вверх улицам. — Враг вернулся!

— Ох, нет, ох, нет, ох, нет, — твердила женщина, сжав висящий на груди символ св. Селестины. Юноша без чувств упал на мостовую.

— П-пожалуйста, сохраняйте сп-покойствие, — заикаясь, распорядился стражник. — Нет причин паниковать!

Элли же была способна лишь на одно — тащиться на руку.

Та вцепилась в её щиколотку леденящее холодной хваткой. Когда девочка отдернула ногу, ладонь тяжко хлопнула о черепицу, оставив на носке кровавый отпечаток. Элли слотнула и встала на колени, чтобы рассмотреть ладонь

и руку, к которой она присоединялась. Ладонь шарила по крыше, словно ища, за что можно схватиться. Поджарая и жилистая рука уходила в тело кита и исчезала между мясистыми пурпурными органами.

— Эй!

Обернувшись, Элли увидела, что Анна перелазает через парапет мола.

— Стой! — закричал стражник, протискиваясь сквозь толпу по направлению к Анне. — Ну ка вернись! — Он рванулся к ней и сумел схватить за шерстяной свитер.

Элли дотронулась до руки кончиком пальца. Она дёрнулась прочь, как пугливый зверёк. Элли сделала глубокий вдох, а затем схватила руку. На ощупь она была липкая и словно покрытая струпьями. Упёршись пятками в крышу, девочка потянула.

Рука перестала вырываться, пальцы её переплелись с пальцами девочки. Элли не хотела тянуть слишком сильно, опасаясь того, что человек может застрять, зацепившись за что-то внутри. Но предплечье появилось без труда.

Затем появилось плечо, тоже худое и окровавленное.

Затем спутанные чёрные волосы. Голова. Лицо. Мальчик, жадно ловящий ртом воздух.

Толпа слаженно вскрикнула. Анна вывернулась из рук стражника, спрыгнула с мола и сползла к Элли. Она изумлённо уставилась на мальчика.

— Что это?

Мальчик вывалился на крышу, следом за ним протянулись китовые кишки. Он был совершенно голый.

— Ты умираешь? — спросила Элли, передёрнув плечами. Его глаза были закрыты, и, похоже, он не мог дышать. Его открытый рот захватывал воздух, но можно было подумать, что он прежде не сделал ни единого вздоха.

— Я думаю, он умирает, — сказала Анна.

— Посмотри на меня! — велела мальчику Элли. — Открой глаза!

Но он просто метался из стороны в сторону, нескладно раскинув руки и ноги. Элли придавила плечи мальчишки, чтобы удержать его на месте. Кожа была липкой и пахла железной стружкой.

— Держи его за ноги! — крикнула она, и Анна плашмя навалилась на лягающие ноги. Элли уселась ему на грудь, и его ногти слепо цеплялись за её бушлат. Скривившись, она положила ему на веки подушки большого и указательного пальцев и подняла их. Глаза таращились ввысь и закатывались, как у обезумевшей от запаха крови акулы.

— Посмотри на меня, — сказала Элла.

Мальчик зарычал.

— Посмотри на меня!

Его глаза дёрнулись вниз, взгляд нашёл её. Элли ахнула.

Серо-голубые. Цвета морозного моря.

Она с силой заморгала, пытаясь собраться с мыслями.

— Послушай, — сказала она как можно более спокойным голосом. — Мне нужно, чтобы ты повторял за мной.

Она медленно вдохнула через нос, преувеличенно присвистывая, и прижала руку к груди, чтобы показать, как она вздымается и опускается. Она тихонько выдохнула через рот, глядя, как он пытается скопировать то, что она делает. Но его ноздри разве что неуверенно вздрогнули. Не сработало.

— Держи его ровно, — велела она Анне. Она встала рядом с мальчиком на колени и зажала ему нос, не отпуская пальцев, даже когда он яростно затряс головой. Она прижалась губами к его губам и выдохнула полной грудью ему в рот.

Женщина на молу завизжала.

— Что вы делаете! — закричал стражник. Он наконец сумел сползти на крышу, но стоял столбом, парализованный страхом. Элли подняла голову, чтобы сделать вдох, затем снова прижала рот ко рту мальчика. Всё это время он не сводил с неё круглых глаз. Сделав третий глубокий вдох, она разделила с ним выдох, а затем четвёртый и пятый.

А когда она сделала шестой вдох, рот мальчика открылся, и он втянул воздух, наполняя до краёв лёгкие. Элли от облегчения рассмеялась. Поначалу мальчишка дышал глубоко и преры-

висто, затем его дыхание ускорилось, он стал жадно глотать воздух.

— Помедленнее, — предостерегла его она и, чтобы напомнить ему, сама задышала медленно. — Вот так. А теперь встань и положи руки на бёдра, смотри, как я делаю. Это откроет твои лёгкие.

Он напряжённо смотрел на неё, на лице его застыло резкое и угрожающее выражение. По-степенно он, казалось, понял её и упёр руки в бёдра. Элли опустила взгляд, чтобы проверить, что он всё делает правильно, и тут же закрыла глаза руками.

— Извини! — сказала она. Она забыла, что он голый. — Э... э... Кто-нибудь, принесите нам полотенце!

Толпа отшатнулась. Молодой стражник таращил глаза на кровь, и лицо его делалось всё более пепельным. Элли вздохнула и сняла с шеи шарф.

— Вот, — сказала она. — Ты можешь обернуть этим... свою талию.

Мальчик уставился на полотнище, растерянно моргая.

— Я сделаю это! — сказала Анна, выхватила шарф из рук Элли и подбежала к нему.

— Анна, будь осторожна!

Глаза мальчишки вспыхнули, он прыгнул к Анне, схватил за плечи и оттолкнул. Анна налетела на Элли, а мальчик пошатнулся. Ноги, похоже, плохо держали его.

— Прочь! — хрипло проорал он и привалился к киту.

— Ты можешь говорить! — вскричала Элли, помогая Анне подняться на ноги.

Мальчик поднял Эллин шарф. После мгновенного колебания он обернулся его вокруг талии и завязал на боку.

— Как ты... — Элли запнулась. — Что ты делал... Почему ты был внутри кита?

Но мальчишка не слушал. Он обернулся и глядел на разрез на туще кита, очевидно, совершенно не смущаясь запахом. Он заметил толпу, в ужасе уставившуюся на него. По телу его пробежала дрожь, и Элли вспомнила, какой холодной на ощупь была его кожа.

Выцветший синий китель шлёпнулся у её ног. Молодой стражник стоял на отдалении нескольких метров. Он старательно отводил глаза от покрытого кровью мальчика, крепко зажимая рот ладонью.

— Спасибо, — сказала Элли. Она подошла к мальчику, и тот напрягся и сжал кулаки. Она сделала ещё один шагок, выставив куртку перед собой. Он был худой, но выглядел поджарым, с каждым вздохом грудь его взыпалась. Элли осторожно подошла к нему сбоку и накинула китель ему на плечи.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Мальчик открыл было рот, закрыл его и, казалось, был смущён тем, что при этом не произвучало ни слова.

— Я думаю, нам стоит назвать его Сиф, — сказала Анна.

— Он не щенок, — запротестовала Элли.

— Это хорошее имя. Звучит, как прибой.

Элли пожала плечами.

— Что ж, пусть так, сгодится, пока ты не вспомнишь своё настоящее имя. А моё имя — Элли, — прибавила она. — Элли Ланкастер.

Она протянула мальчику руку для рукопожатия, но он уставился на неё, никак не ответив на жест.

— Так, давай сотрём с тебя китовую кровь. — Элли достала из кармана носовой платок и смочила его водой из своей фляги. — Ты не против? — спросила она, поднеся платок к лицу мальчика.

И снова он ничего не стал делать, и Элли истолковала его бездействие как знак согласия. Аккуратными движениями она протёрла его лоб, щёки, подбородок, явив лицо мальчика примерно одиннадцати лет с ней и Анной. В чертах его не было изъяна, кроме крохотных морщинок в уголках глаз, будто он часто улыбался, и одной единственной морщины, пробегавшей по лбу, будто и хмурился он тоже нередко. У него были густые чёрные брови и спутанные и влажные от крови чёрные волосы. У него был нос с горбинкой, широкие скулы и кожа цвета гречишного мёда. Его глаза цвета моря пристально глядели на Элли, и девочка чувствовала, что не может отвести взгляд.

Анна толкнула её плечом.

— Уф! Ладно, э, нам нужно отвести тебя в какое-нибудь теплое место.

Мальчик поглядел на свои руки.

— Где я? — спросил он. Голос у него был, как наядочная бумага.

— На набережной Ангелуса¹, — сказала Анна.

— Набережной... — повторил он. — Набережная чего?

Похоже, у мальчишки в голове всё спуталось.

— Города.

— Какого города?

Элли уставилась на него в смятении и даже испуге. Город был один.

Она указала вверх, чтобы он посмотрел на высящийся над их головами Город. Горообразное нагромождение древних зданий, кишащее крикливыми чайками. Взгляд мальчика скользнул по трубе, по горгулье, вдоль поднимающихся зигзагом улиц и лестниц, прорезанных с вершины горы до самого моря. Он поглядел в сторону горизонта и тут вздрогнул.

— Что это за шум? — спросил он. — Откуда исходит этот шум?

Он зажал ладонями уши и стиснул зубы. Анна и Элли переглянулись.

— Где мои братья и сёстры? — спросил он.

¹ А н г е л у с — католическая молитва, получившая название по первым словам: «Ангел Господень возвестил Марии...».

— Э... — Элли почесала в затылке. — Я... я не знаю...

На молу началась какая-то суматоха. Элли слышала, как старик проповедник спускается с верхних ярусов улиц, самодовольно и пронзительно говося.

— Это Враг! — вопил он. — Я как раз проводил похоронную службу в церкви Св. Горация, понимаете, магистр инквизитор, когда услышал весь этот гвалт.

— Что происходит? — спросил Сиф.

— Сюда идёт Инквизитор, — промолвила Элли, нервожно ковыряя прореху в рукаве бушлата. — Но не переживай, всё обойдётся. Если только это не...

Народ расступился. Торопясь отойти от вновь прибывшего, люди налетали друг на друга.

— О нет, — проговорила Элли.

Мужчина мощного телосложения появился на молу, возвышаясь над всеми окружающими. На нём была чёрная шинель из тюленьей кожи, спадавшая до щиколоток, на груди — серебряная цепь. У него были крепкая шея и широкие плечи, а бледное одутловатое лицо омрачала тень давно утраченного благообразия. Глаза у него были бездонные, чёрные, как пропасть, и совершенно ничего не выражавшие. Он выглядел как мертвец, которому даже смерть была нипочём.

Сиф поднял одну бровь.

— Кто это?

— Это... — У Элли пересохло во рту, — Инквизитор Харграт.

— Я как раз прибыл на место, — продолжал верещать проповедник, — когда этот мальчик выкатился из кита. Сие может быть лишь делом рук Врага.

— Замолчи, — пророкотал Харграт. — Это мне судить.

Плешивый карлик упал перед Харгратом на колени.

— Святой Киллиан! — вскричал он. — Сохраняни нас!

— Встань на ноги, — отрезал Харграт. — Я ещё не святой. Только мёртвые могут быть святыми.

Он сиганул через мол, и его чёрные башмаки проскребли по черепице, когда он приземлился на крышу. Его взгляд метнулся от Сифа к дыре в теле кита и обратно.

Он сделал два шага в направлении Сифа, но затем на мгновение замер и немного отступил назад. Странно было видеть, как этот чудовищной наружности мужчина заколебался перед лицом тощего, едва одетого мальчишки, и всё же Элли была почти уверена, что в мёртвых глазах Харграта промелькнул страх. Правой рукой Харграт неосознанно потёр пустой левый рукав своей шинели, который был сложен пополам вдоль тела и сколот серебряной булавкой. Руку, что должна была находиться в этом рукаве, он потерял уже давно.

— Чего тебе нужно? — спросил Сиф. Говорил он как взрослый, серьёзным и властным тоном.

— Что ты делал внутри этого кита? — спросил Харграт.

— Сэр. Мальчик не сделал ничего дурного, — поспешила между ними двумя Элли. — Он застрял внутри этого кита, и мне пришлось его вытащить.

Харграт будто и не слышал Элли, да и не видел её вовсе. Его глаза бесстрастно скользнули по Сифу, можно подумать, мясник примеривается, как лучше разделать тушу.

— Ты видишь его, мальчик? — негромко прорычал он.

Сиф нахмурился.

— Вижу кого?

— Врага.

— Кого?

— Бога, Потопившего Богов. Оный ведь говорил с тобой, так? Это ведь оный спас тебя из этого кита?

— Это я спасла его из чрева кита, — сказала Элли. Но Харграт по-прежнему не обращал на неё никакого внимания.

— Только Сосуд способен выжить внутри кита, — провозгласил он.

— Что такое Сосуд? — спросил Сиф.

— Ты, — отвечал Харграт.

— Это просто смешно, — сказала Элли. — Что Сосуду делать внутри кита?

Рука Харграта скользнула к рукояти меча. Элли резко втянула носом воздух. Тело Сифа напряжённо застыло, руки сжались в кулаки.

Харграт потянулся мимо меча в карман шинели. Он достал небольшой пистолет, и Элли едва успела вскрикнуть, как он нацелил его на Сифа и нажал на курок.

— Нет!

Звука ружейного выстрела не было, только хлёсткое шипение, и что-то с глухим толчком воткнулось в шею Сифа. Сиф схватился за металлический дротик, торчавший из плоти почти на десяток сантиметров. Он упал на колени. Элли подхватила его, но он тяжело обмяк, глаза его закрылись, и он выскользнул у неё из рук и упал на черепичную крышу.

— Что вы с ним сделали?! — закричала она, прижав два пальца к шее мальчика, сразу под подбородком, чтобы проверить пульс.

Харграт вернул пистолет обратно в карман.

— Это успокоительное, — сказал он. — Величайшее изобретение твоей матери. Если Сосуд находится без сознания, он не может попросить Врага спасти его, пока мы сжигаем его на костре.

У Элли скрутило живот.

— Он не Сосуд, — сказала она. — Вы совершаете ошибку.

— Не испытывай моё терпение, Ланкастер. — Он отпихнул Элли от Сифа, подбежавшая Анна подхватила её. Харграт с лёгкостью поднял Си-

фа одной рукой, перекинул через плечо и зашагал обратно к молу. Элли побежала вдогонку, сердце её колотилось.

— Это неправильно! Он никакой не Сосуд, он просто мальчишка. Вы... вы перетрусили из-за маленького мальчика! Трус!

Харграт остановился. Он посмотрел вверх на столпившихся людей, которые следили за ним, зажав рты руками. Он без церемоний уронил Сифа перед собой, и толпа подскочила, словно мальчишка был подожжённой петардой. Развернувшись на месте, он зашагал к Элли. Выбросив вперёд руку, он схватил её за шею и заставил отступить к самому краю крыши.

— Тебе никогда не доводилось лицезреть Врага, дитя, — сказал он, приподняв её, так что они оказались нос к носу. — Но мне довелось. Я видел, как оный выметнулся из Сосуда. Оный оторвал мою руку, хотя я в тот самый миг пронзил мечом горло оного. А мои друзья пали замертво вокруг меня. Я вижу это до сих пор, стоит только закрыть глаза. А самое худшее... что я знал его, тот Сосуд. Это был хороший человек, добрейшей души. Однако из него явилось кошмарное существо.

Харграт ещё крепче сдавил шею Элли. Она отчаянно хлестала его руку, кашляя и пытаясь вздохнуть.

— Любой может быть Сосудом, — сказал он.

Краем глаза Элли увидела, как Анна налетела на Харграта, но, отброшенная простым толчком

плеча, полетела кубарем. Перед глазами у Элли замелькали белые точки. Мысли её спутались.

— Любой. Маленький мальчик. Маленькая девочка. И я убью любого из них, чтобы сохранить Город.

С этими словами он улыбнулся и сбросил её в море.

Из дневника Клода Хестермейера

После похорон я не знал, чем себя занять. Я вышел из собора Св. Горация и вернулся пешком в мой пыльный кабинет в университете — кабинет, который мы делили с Питером. Я сел за свой стол и не мог отвести глаз от его пустого кресла. Моё сердце сжалось, сделавшись твёрдым зелёным яблоком в моей груди.

Я был так растерян, что не сразу заметил мужчину, стоявшего в дверях. Лица его я не мог разглядеть. Отчего-то на нём была чёрная вуаль.

— Прошу прощения, — обратился я к нему. — Я ценю, что вы пришли принести свои соболезнования, но я сказал всё, что мог, на похоронах Питера. А теперь я прошу оставить меня в покое.

— Профессор Клод Хестермейер, — глубоким голосом проговорил мужчина.

— Да, это моё имя, — отвечал я. — То, что вы его знаете, не извиняет того, как грубо вы ворвались в мой кабинет.

— Ты не узнаёшь мой голос?

Нет, я не узнавал, однако я заметил, что пальцы мои дрожат, а по спине пробежал холодок.

— Сэр, боюсь, я должен настоять на том, чтобы вы оставили меня одного, — потребовал я.

— Данное соглашение не позволяет подобного, — сказал мужчина.

— Соглашение? Какое соглашение? Это какая-то недобрая шутка? Питера Ламбета сегодня кремировали — имейте же совесть!

Горячие слёзы пролились по моим щекам. Я встал и обошёл свой стол, приготовившись при необходимости применить силу. Но прежде чем я подошёл к мужчине, тот отбросил вуаль с лица.

Карандаш, который я сжимал в руке, переломился.

Передо мной стоял мой дорогой друг Питер Ламбет.

Мальчишка в зелёном камзоле

Сверху до Элли доносились далёкие крики. Морская вода наполнила её рот.

Падая, она задела ногой край крыши, разорвав штаны и ссадив кожу. Её передёрнуло, когда морская соль разъела ранку.

Она заглянула в мутные глубины. Призрачные шпили и крыши маячили во мраке, словно подводный горизонт. Большая часть Города давным-давно ушла под воду.

Элли, барахтаясь, пыталась подняться к поверхности, но её тяжёлый бушлат тянул её вниз. Она обругала саму себя — вечно карманы полны всякой всячины! Она набивала их гаечными ключами и компасами, телескопами и маслёнками, перочинными ножами и спичками. Дымовая шашка и карманные часы проплыли мимо

её головы. Она собиралась уже вывернуться из бушлата, когда услышала зычный и влажный шлепок. Она подняла голову, и сердце её радостно ёкнуло.

Древко фленшерной лопаты!

Откуда только силы взялись! Элли схватила рукоять, и тотчас её потащило вверх. Звуки надводного мира оглушили её, неожиданный свет слепил глаза. Пока она отплёвывалась и хватала ртом воздух, кто-то втащил её на крышу часовни.

— Элли, — воскликнула Анна, рухнув рядом с ней. Тут же был и молодой стражник, сжимавший в руках фленшерную лопату.

— Харграт забрал мальчишку, верно? — проговорила Элли. Она закашлялась, из уголка губ потекла струйкой морская вода.

Анна кивнула. С немалым усилием Элли поднялась на ноги.

— Элли, сядь, или ты сблюёшь, — сказала Анна, торопливо отступив назад.

Но Элли замотала головой. Она утёрла рот тыльной стороной ладони, и, пошатываясь, шагнула вперёд, волоча оковы намокшей одежды. Она протянула руку стражнику.

— Спасибо, что спас меня.

Стражник опасливо поглядел на протянутую ладонь. Это была та рука, которой она только что утёрла рот.

— Тебе нужно вернуться в мастерскую и переодеться, — заявила Анна, снимая водоросли

с шеи Элли. — Ну-ка, дай я возьму это, — прибавила она, потянув за промокший и капающий бушлат.

— Нет, со мной всё хорошо, — буркнула Элли, строптиво кутаясь в своё пальто.

— Ты простудишься! — настаивала Анна.

— Ну ладно, ладно, — сказала Элли и раздосадованно скинула бушлат. — Но я пока не могу вернуться в мастерскую, я иду в Цитадель Инквизиции. Кто-то должен вступиться за мальчика. Он не Сосуд!

— Элли, если Инквизиция хочет его убить, нам лучше не вставать у них на пути.

— Но Сосуд всегда знает, что он Сосуд, в этом сходятся все книги, что я прочитала, а этот мальчишка не знал даже собственного имени! И вдобавок Сосуд выглядит болезненным, а Сиф казался вполне здоровым. Ну, если забыть обо всей этой крови. А теперь послушай внимательно, мне нужна твоя помощь в очень важной миссии.

Анна навострила уши. Отправляя Анну с поручением, нужно было, во-первых, ни в коем случае не называть его поручением, а во-вторых, приукрасить немного, наобещав встречу с матросами. И ввернуть потасовку, если получится.

— Мне нужно, чтобы ты пошла на Большую Верфь и разузнала, вдруг кто-то из моряков слышал о мальчишке, упавшем с корабля и, может, проглоченном заживо китом.

— Зачем? — осведомилась Анна.

— Потому что, если мы сумеем узнать, кто Сиф на самом деле, это поможет очистить его имя. Но будь осторожна — в доках сегодня моржовые бои, а они могут закончиться потасовкой.

Это была ложь, но она отлично сработала: Анна развернулась и рванула прочь. Элли похромала вслед за ней, хлюпая башмаками при каждом шаге. Она прошла мимо кита, глаз которого был смиренно закрыт. Одна из горгулий, придавленная его хвостом, грозила обвалиться и рухнуть в море. Забавно, что и она изображала кита.

«Голубые глаза», — подумалось Элли, и девочка содрогнулась при мысли о том, что в эту минуту, быть может, происходит с Сифом. Что, если Инквизиция уже решила, что он Сосуд, и в этот самый миг его бросают в огонь? Она заторопилась, вскарабкалась на мол, протолкалась через толпу и побежала по мощёной уличке вверх.

Утренняя сутолока дел шумела и кипела вокруг бежавшей по Городу Элли. На рынке Ангелуса покупателей было битком, они задорно торговались то у одного прилавка, то у другого. На крышах рядами несли дежурство голодные чайки, в воздухе крепко воняло рыбой. Три бородатых музыканта тянули печальную мелодию на своих виолончелях, а пожилая дама из высокого окна осыпала их язвительными замечаниями и турнепсом, требуя, чтобы они сыграли что-нибудь духоподъёмное. Уличный фигляр в серой рубахе и вспученной валяной шляпе

развлекал фокусами стайку хлопающих в ладоши ребят, которые возрадовались ещё громче, когда трюк не заладился и белёк, которого фокусник пытался вытащить из шляпы, выпрыгнул сам и цапнул хозяина за палец.

Элли замедлила шаг, потирая ссадину на ноге. Её всё ещё жгло от солёной морской воды.

— Нелли! — окликнул её весёлый голос.

Она подняла голову и скривилась. Улыбающийся мальчишка, одетый в травянисто-зелёный камзол и чёрный плащ, вприпрыжку направлялся к ней.

— Ты мокрая, как мышь, — сказал он, оглядывая её с головы до пят. У него были золотистые локоны, россыпь веснушек на щеках и ярко-голубые глаза, которые пристально смотрели на неё. Он был немного младше Элли и такой смазливый, что напоминал вытянувшегося и переросшего детскую пухлость херувима; такого ангелка забаловала бы любая мать, а любой священник с радостью переставил бы в первый ряд хора.

— Да я плавала, — отвечала она делано жизнерадостным голосом.

Он заметил прореху на её штанах и озабоченно нахмурился:

— Ты в порядке?

— Полном. — Элли глубоко вздохнула. — Чего тебе надо?

— Ох... — Мальчик, казалось, был удивлён Эллиной резкостью. Он перебирал пальцами

серебряную цепочку у себя на шее, с которой свисало множество побрякушек: ключи, ракушки и оловянные фигурки. — Ну, я слышал, что из кита появился какой-то мальчишка.

— У меня нет на это времени, Финн, — бросила Элли и поспешила вверх по улице.

Она прошла мимо священника в чёрной рясе, который, стоя на деревянной платформе, возышал голос к небу.

— Не верь ближнему своему! — кричал он. — Ибо Великий Враг может скрываться за его очами. Не верь ни родным своим, ни себе самому. Но не страшись! Пускай боги сгинули, но святые не оставили нас своими заботами и послали нам Инквизицию — смелых сердцем людей, что сохранят нас от нас самих.

— Как ты объясняешь то, что он мог там дышать? — вопросил Финн, в два прыжка нагнав Элли.

— Где?

— В ките, разумеется!

— Ох, я не знаю, Финн. Может, он выставил соломинку в дыхало?

— Незачем огрызаться, мне просто любопытно. Где он теперь?

— Харграт забрал его, — сказала Элли. — Он считает, что мальчишка — Сосуд.

— Ой, мне так жаль. Могу я помочь чем-то?

— Нет, — отрезала Элли. — Я иду, чтобы поговорить с инквизиторами.

— Девчонка! ДЕВЧОНКА! Немедленно ступай сюда!

Старик шкандыбал сквозь сутолоку рыночной площади, тяжело дыша и прижимая к груди большущее механическое приспособление. Оно напоминало вроде как металлического краба, но только размером краб был с небольшую свинью. Он сердито зыркнул на Элли. Стёкла его очков были такие толстые, что увеличивали глаза вдвое против нормального их размера.

— А теперь послушай меня: эта твоя машина для ловли устриц сломана, и каждую минуту, что она простояивает, я теряю деньги из своего кармана.

— Боюсь, что прямо сейчас я очень занята, сэр, — вежливо отвечала Элли. — Знаете, этот кит...

— Кит? — крякнул старик. — Плевать мне на китов! Устрицы, девочка, устрицы! Значит, раз ты построила эту машину, ты её и почини!

Она вздохнула.

— Не я строила эту машину.

Старик сощурился:

— Но ты же Ханна Ланкастер, так? Изобретательница?

— Я Элли. Её дочь.

— Ох, — он поправил очки на носу, — ты, кажется, была покороче, как мне помнится. Так где мне найти твою мать?

— Нигде. Она уже пять лет как умерла.

— Ох, — снова протянул стариик и в удивлении качнулся назад на каблуках, — что ж, хм. Мне всё равно нужно починить эту машину! И я жду, что ты это сделаешь.

Элли нахмурилась, глядя на пик Города. Каждая секунда промедления грозила Сифу опасностью.

— Вот беда, что она померла, однако ж, — пробубнил себе под нос стариик. — Сомневаюсь, что мы ещё увидим такое дарование.

Со вздохом Элли подхватила устрицеловку и положила её брюхом кверху на мостовую.

— Я могу тебе помочь с ней, если хочешь, — сказал Финн, но Элли не обратила на него никакого внимания. Она выловила в кармане мокрых брюк отвёртку, вставила в подбрюшье устрицеловки и приподняла металлическую панельку. Заглянув внутрь, она повертела многочисленные шестерёнки, составлявшие внутренности аппарата.

— Заклинило... — пробормотала она.

Порывшись в карманах, она вытащила латунный ключ, гречкий орех и, наконец, длинные щипчики. Прикусив от старания язык, она извлекла причину поломки — поблескивающую, бледную, как лунный свет, жемчужину.

— Это моё! — брякнул стариик. — Машина-то моя, так что отдавай сюда!

Элли подняла глаза к небу, но уронила жемчужину в подставленную руку.

— Вот, пожалуйста.

Она покрутила ручку на спине устрицеловки, заводя её до тех пор, пока шесть ног не задёргались, а затем поставила машину на мостовую. Она побрела по камням, собирая воображаемые устрицы двумя своими крохотными руками.

— Пока! — крикнула Элли, нырнув обратно в торговые ряды между девчонкой, ведущей коузу, и тачкой со свежими сардинами. К сожалению, потерять Финна ей не удалось.

— Я мог бы починить её вдвое быстрее, — самодовольно заявил он. — Слушай, а помнишь, как я помог тебе построить лодку? Ту, что плавает под водой? Вот, правда, надо нам её какнибудь починить.

Элли резко забрала налево. Четверо коренастых мужчин спускались по улице, неся на доске мёртвую тигровую акулу с безвольно раззявшенным зубастым ртом. Элли проскользнула мимо них, Финн же остался с другой стороны.

— Так что этот мальчик, — сказал он, снова поравнявшись с ней, — на что он годен? Он что же, умён или что? Ты же не надеешься найти мне замену?

— Замену? — отозвалась Элли. — Ты для меня ничто.

Финн заулыбался, покачав головой, как будто она удачно пошутила.

— Ну, так зачем тогда ты пытаешься спасти жизнь этого мальчишки? Ты прям взвинченная вся, Нелли. Что тебя так взбудоражило?

— Да то, что он не сделал ничего дурного.

Элли протиснулась между людей, охотно толпившихся у ног ещё одного проповедника.

— Друзья мои, знайте же — когда бы ни вернулся Сосуд, отважная душа выйдет на бой и, уничтожив оного, займёт своё место среди сонма святых. Кто знает, им может быть один из вас.

Толпа ублаготворённо заохала.

— Эй! — закричал высокий медно-рыжий юноша, торжествующе приплясывая на краю сборища. — Знаете что? Его же нашли! Взаправду нашли!

— Чего? — пробухтела, нахмурившись, какая-то старуха.

— Сосуд! — вскричал молодой человек, возбуждённо ероша собственные волосы. — Харграт вот только что поймал его! Он воистину святой!

Толпа возрадовалась. Рыжеволосый обнял старуху, но та, скривившись, отмахнулась от него. На Элли снова накатила паника, а вывернувшись из многолюдья, она застонала, видя, что Финн по-прежнему шагает возле неё.

— Похоже, все вне себя от счастья, — сказал он. — Может, стоит оставить всё как есть? Какое твоё дело — помогать незнакомцам?

— К моим делам это никакого отношения не имеет. Это вопрос того, что правильно, — сказала Элли.

Финн прищурился.

— Хм. Не думаю, что это настоящая причина, Нелли.

— Его могут казнить, Финн. Невинного мальчишку.

— Ясно. Ты чувствуешь себя виноватой. Так вот почему ты это делаешь!

Элли почувствовала, как у неё заныло в животе. Она сглотнула.

— Перестань, Финн.

Финн широко распахнул глаза.

— Но ведь я угадал, верно? Ты чувствуешь свою вину из-за того, что произошло раньше, и считаешь, что если ты поможешь этому мальчику, тогда всё опять будет хорошо.

— Финн.

— Вот только представить не могу, как ты думаешь его спасать. Не очень-то у тебя это получается, людей спасать.

— Заткнись, Финн! — вскричала Элли, торопливо взираясь по каменной лестнице, поднимавшейся мимо университета.

— Прости, — промолвил Финн, вспрыгивая по ступеням вслед за ней. — Но просто для ясности, я же прав, верно? Ты пытаешься загладить свою вину за то поганое...

Улыбка Финна дрогнула и погасла, когда Элли схватила его за лацканы камзола и притиснула к стене. Побрякушки на шее мальчишки звякнули.

— Слушай меня, Финн, — сказала она, глядя ему в глаза. — Оставь мальчишку в покое.

— Но если я просто хочу помочь? Как я помогаю тебе.

— Мне никогда больше не понадобится твоя помощь.

Она отпустила его, и Финн сполз по стене, ворча из-за расстегнувшихся пуговиц на камзоле. Элли заторопилась вверх по лестнице.

— Иногда, Нелли, — крикнул он ей вдогонку, — мне хочется, чтобы ты была со мной добре!

Она обернулась и зыркнула на него.

— А иногда, Финн, я мечтаю о том, чтобы убить тебя.